

ДВАЖДЫ ЛАУРЕАТ ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

КОЛСОН УАЙТХЕД

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ПОДЗЕМНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»

МАЛЬЧИШКИ ИЗ "НИКЕЛЯ"

Pulitzer
Prize
2020

ORWELL
PRIZE
2020

Выдающийся роман о человеческом достоинстве и искуплении.
Жюри Пулитцеровской премии 2020 года

Колсон Уайтхед
Мальчишки из «Никеля»

Издательство «Синдбад»

2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уайтхед К.

Мальчишки из «Никеля» / К. Уайтхед — Издательство
«Синдбад», 2019

ISBN 978-5-00131-481-3

Элвуд Кертис, шестнадцатилетний афроамериканский подросток, хорошо учится, после школы подрабатывает в магазине, готовится к поступлению в колледж: он мечтает стать учителем. Но из-за нелепой случайности его обвиняют в преступлении, которого он не совершал, и приговаривают к сроку в исправительном учреждении. Академия Никеля оказывается настоящим адом, где воспитанники подвергаются физическому и эмоциональному насилию и эксплуатации. Тех, кто оказывает сопротивление, уводят «на задворки», откуда они уже не возвращаются. Выжить в этом аду Элвуду помогает дружба с Тернером, который является его полной противоположностью. Элвуд наивен и верит в возможность торжества справедливости, а Тернер убежден в том, что мир был, есть и будет жесток и несправедлив, и так будет всегда. Отчаянная попытка друзей изменить порядки, царящие в «Никеле», заканчивается трагедией. Роман основан на реальных событиях и «подтверждает ведущее место Колсона Уайтхеда в современной американской литературе» (журнал Time). В 2020 году удостоен Пулитцеровской премии и Премии Оруэлла.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-00131-481-3

© Уайтхед К., 2019

© Издательство «Синдбад», 2019

Содержание

Пролог	7
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	19
Часть вторая	27
Глава четвертая	27
Глава пятая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Колсон Уайтхед

Мальчишки из «Никеля»

Colson Whitehead
The Nickel Boys

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2023

* * *

Посвящается Ричарду Нэшу

Пролог

Даже после своей смерти мальчишки доставляли беспокойство. Тайное захоронение находилось на поросшем сорняками клочке земли с северной стороны кампуса Никеля, между старым сараем и школьной свалкой. Раньше, когда благодаря правительственной программе льготного налогообложения школа имела собственную ферму, тут было пастбище. Местные жители покупали молоко, что помогало школе снизить нагрузку на содержание мальчишков. Сейчас на этом месте застройщики решили возвести бизнес-парк с обеденным двориком с четырьмя фонтанчиками и бетонной эстрадой для мероприятий. Однако найденные тела стали досадной и довольно затратной помехой для агентства недвижимости, которому пришлось дожидаться отмашки от экспертов-экологов; впрочем, это не сулило ничего хорошего и окружному прокурору, только-только завершившему расследование фактов насилия в Никеле. Теперь придется затевать новую проверку, устанавливать личности погибших и причину смерти, и черт его знает, как скоро эту злосчастную школу сровняют с землей, сотрут в пыль и вымарают из самой истории, что, по единодушному мнению общественности, уже давно не мешало бы сделать.

О чудовищном захоронении знали все никелевцы. Но благодаря одной студентке из Южно-Флоридского университета о нем стало известно всему остальному миру – спустя десятилетия после того, как в мешке из-под картошки туда сбросили тело первого воспитанника. Когда Джоди спросили, как она отыскала этот могильник, она ответила: «Это место показалось мне каким-то странным». Осевшая земля, поросшая сорняками. Джоди вместе с другими студентами-археологами несколько месяцев вела раскопки на месте школьного кладбища. Власти штата не могли дать разрешение на получение прав собственности на эту землю, пока останки не перезахоронят, а студенты воспользовались поводом набрать побольше часов полевой работы. Кольшками и проволокой они разделили кладбище на поисковые участки и приступили к работе; копали и лопатами, и с помощью техники. После просеивания почвы на лотках, точно экспонаты какой-то кошмарной экспозиции, лежали горки костей, пряжки от ремней и банки из-под газировки.

Никелевцы, вдохновленные вестернами, на которые они когда-то охотно ходили по субботам, пока их не сослали в исправительный дом и не лишили прежних радостей, – окрестили официальное кладбище Сапожным холмом¹. Название прижилось, и даже десятилетия спустя оно звучало в речи студентов Южно-Флоридского университета, которые в жизни не видели ни одного вестерна. Кладбище располагалось на самом краю высокого склона с северной стороны кампуса. В погожие дни возвышавшиеся над могилами белые бетонные кресты, на большинстве из которых были высечены имена, поблескивали в лучах солнца. Опознание шло трудно, но дух соперничества, разыгравший в юных археологах, делал свое дело. Школьная документация, пускай обрывочная и бессистемная, помогла, например, выяснить, кем был некий «УИЛЛИ 1954». В обгоревших телах распознали жертв пожара в школьном общежитии, произошедшего в 1921 году. Тесты ДНК с участием выживших родственников – точнее, тех из них, кого студенты сумели разыскать, – протянули нить от мира мертвецов к миру живых, который не прекратил своего существования и после гибели мальчишков. Из сорока трех тел неопознанными остались семь.

Студенты сложили кресты неподалеку от места раскопок. Но как-то утром, вернувшись на холм, чтобы продолжить работу, обнаружили лишь гору обломков, присыпанных бетонной пылью.

¹ Сапожный холм – на Диком Западе место захоронения ковбоев, а впоследствии и бедноты. Название происходит от английского выражения «умереть, не снимая сапог», то есть не в постели. – Здесь и далее – прим. пер.

Сапожный холм прощался с никелевцами нехотя. Когда Джоди, промывая находки, найденные в траншеях, обнаружила первые фрагменты скелета, она не на шутку воодушевилась. Однако профессор Кармин считала, что маленькая косточка, тонкая и вытянутая, точно флейта, вероятнее всего, принадлежит еноту или какому-то другому зверьку. Но тайный могильник, на который Джоди наткнулась, бродя по окрестностям в поисках сотового сигнала, не обманул ее ожиданий. На этот раз и профессор подтвердила догадку студентки, учитывая характер повреждений у находок с Сапожного холма: многочисленные переломы, вмятины на черепах, дробь, застрявшая в костях грудной клетки. Если даже останки, найденные на официальном кладбище, вызвали подозрения, что же тогда сотворили с теми, кто похоронен в безымянной могиле? Через два дня благодаря служебным собакам, натасканным на поиск трупов, и радиолокационным приборам опасения ученых подтвердились. Тут уже не было ни белых крестов, ни имен. Одни только кости, ждущие, когда их наконец отыщут.

«Они называли это школой», – возмущалась профессор Кармин. Чего только не прячут люди в недрах земли.

Внимание прессы к школе привлек один из воспитанников – или кто-то из их родственников. Последовали многочисленные интервью. Студенты во время раскопок также получили возможность пообщаться с некоторыми из них. Бывшие никелевцы напоминали им брюзгливых дядюшек и неуживчивых соседей, суровых с виду мужчин, которые, стоит узнать их поближе, вдруг оттаивают. Студенты рассказали никелевцам о втором месте захоронения, оповестили о нем семьи тех, кого удалось опознать, а потом местный таллахасский канал прислал в школу репортера. Бывшие ученики школы упоминали о тайном могильнике и раньше, но так уж повелось, что верить им начали только после того, как о том же рассказал кто-то другой.

Потом эстафету подхватила американская пресса, и люди впервые увидели этот «исправительный дом» в истинном свете. К тому моменту Никель вот уже три года как закрылся, что объясняло заброшенность окрестных территорий и следы неизбывного подросткового вандализма. Даже самые невинные места – та же столовая или футбольное поле – навевали жуть безо всяких фотоэффектов. Кадры с места событий бередили души. По углам расплзались дрожащие тени, в любом пятне чудились следы засохшей крови. Как если бы все предметы, пойманные объективом, проявляли на экране свою темную сущность, а вместе с Никелем видимым открывался взгляду еще и Никель незримый.

Одно дело, произойди такое в каком-нибудь безобидном месте, но там, где и впрямь обитают призраки прошлого?..

Как любили говорить никелевцы, за них никто и десяти центов не дал бы, да и то дороговато. В последние годы некоторые из бывших воспитанников организовали «группы поддержки», общались в сети и встречались друг с другом в дешевых закусочных типа «Макдоналдса». Или за столом у кого-нибудь на кухне, в часе езды от дома. Вместе они занимались собственной фантомной археологией, счищая слои десятилетий и вытаскивая на всеобщее обозрение обломки и артефакты тех дней. Каждый вносил свою лепту. *Один любил повторять: «Уж я к вам еще наведаюсь!» И лестница, ведущая в подвал, так и скрипит. Однажды иду в кроссовках, а меж пальцев кровь хлюпает.* Из этих фрагментов они собирали доказательства общего мрака: если он окутал не только тебя, но и ближнего, выходит, ты не одинок.

Джон Харди по прозвищу Великан из Омахи, торговец коврами, вышедший на пенсию, взялся вести сайт, посвященный никелевцам. Он регулярно добавлял что-нибудь новое и сообщал читателям, как продвигаются петиция с требованием повторного расследования и попытки добиться официальных извинений от государства. Еще на сайте мигал цифровой счетчик средств, собранных на обещанный мемориал. Кроме того, Великану Джону можно было присылать воспоминания о своем пребывании в Никеле – и он публиковал их вместе с

фотографией автора. Поделиться такой ссылкой с родными было все равно что сказать: «Вот откуда я такой взялся». Разом и объясниться, и попросить прощения.

Ежегодные встречи, проводившиеся уже в пятый раз, были хоть и странными, но необходимыми бывшим мальчишкам. Все они успели постареть и обзавестись женами – нынешними и бывшими; детьми, поддерживающими или прервавшими с ними связь; недоверчивыми внуками, которых одни приводили на встречи, а другим их даже видеть не разрешалось. Кто-то из воспитанников сумел после прощания с Никелем собрать себя по кусочкам и худо-бедно жить дальше, а кто-то так и не вписался в «нормальное общество». Это последние знатоки табачных марок, о которых многие даже не слышали, те, кого уже давно не спасают никакие программы «Помоги себе сам» и кто вечно балансирует на грани исчезновения. Это люди, обреченные на пожизненное прозябание в съемных комнатухах с еженедельной оплатой, замерзающие до смерти в лесу, перебрав суррогатного самогона. Это те, кто после встречи в конференц-зале отеля «Элеанор Гарден Инн» отправляется торжественным караваном в паломничество к Никелю. Одним хватает духу, чтобы пройти по бетонной дорожке, ведущей к одному из самых страшных мест в жизни, другим – нет. Ты либо смело глядишь на фасад, либо обходишь его стороной – все зависит от того, сколько сил найдешь в себе с утра. Великан Джон выкладывает отчеты о каждой встрече никелевцев для тех, кто так и не смог на нее выбраться.

Один из никелевцев – Элвуд Кертис – обосновался в Нью-Йорке. Время от времени он наводил в интернете справки о судьбе бывшего исправительного учреждения, отслеживал новости, но по ряду причин встреч с остальными чурался и не значился ни в каких списках. Ну в самом деле, взрослые же люди. Готовы передавать по кругу носовые платочки? Один из воспитанников опубликовал пост о том, как однажды вечером припарковался у дома Спенсера и несколько часов просидел в машине, наблюдая за силуэтами в окнах, прежде чем отказался от мести. А сам изготовил кожаную плетель, чтобы отделать надзирателя как следует. Элвуд не мог понять, как так можно. Раз уж преодолел такой путь, иди до конца.

Когда нашли тайное захоронение, он ни секунды не сомневался, что вернется туда. При виде разлапистых кедров над головой репортера Элвуда обдало жаром, а в ушах у него зазвела мошकारа. Не так уж и далеко это прошлое. От него вовек не скрыться.

Часть первая

Глава первая

Лучший в своей жизни подарок Элвуд получил на Рождество 1962 года, пускай даже в мыслях, которые после этого зародились у него в голове, крылась его, Элвуда, погибель. Пластинка под названием «Мартин Лютер Кинг в церкви “Гора Сион”» была единственной в его коллекции и почти не сходила с проигрывателя. У его бабушки Гарриет сохранилось несколько записей в жанре госпел, но она включала их, только когда житейские невзгоды совсем ее одолевали. Элвуду слушать популярные песенки строго-настрога запрещалось – из-за их безнравственности. В тот год ему дарили еще и одежду – носки, новый красный свитер, который он охотно носил, но с пластинкой, заигранной почти до дыр, это не шло ни в какое сравнение. Каждая царапинка, каждая щербинка, появившаяся на ее поверхности за эти месяцы, знаменовала собой открытие, новую веху в постижении слов преподобного. Истины, потонувшей в трескучем шипении.

Телевизора у них не было, но речи доктора Кинга представляли собой такую яркую хронику всего, через что негритянский народ уже прошел, – и что ждет его дальше, – что записи эти были все равно что телерепортажи. Если не лучше и не масштабнее: подобно демонстрации на огромном экране кинотеатра под открытым небом – пару раз Элвуд в таких бывал. Он отчетливо видел и как белый грех рабства преследует африканцев, и как сегрегация унижает и подавляет темнокожих; а еще любовался грядущим триумфом, предвкушая день, когда все двери, прежде закрытые перед людьми его расы, будут распахнуты настезь.

Речи эти записывали по всей стране – от Детройта до Шарлотт и Монтгомери – и приносили Элвуду вместе с вестями с полей битвы за гражданские права, охватившей континент. А одно выступление даже заставило его почувствовать самое настоящее родство с семейством Кинг. В то время каждый ребенок хотя бы раз слышал о парке развлечений Фан-таун – одним довелось в нем побывать, другие завидовали этим счастливым. В грамзаписи под номером три на стороне А доктор Кинг говорил, как сильно его дочери Иоланде хотелось попасть в парк, что на Стюарт-авеню в Атланте. Всякий раз, когда она видела на шоссе огромные плакаты или рекламу по телевизору, умоляла родителей сводить ее туда. Тогда доктор Кинг и рассказал ей – своим раскатистым, безрадостным баритоном – о сегрегации, вытесняющей цветных мальчиков и девочек на задворки общества. О том, что белые сильно ошибаются – не все, конечно, – но и их голоса вполне достаточно, чтобы придать сегрегации смысл и вес. Он посоветовал дочери научиться противостоять соблазнам ненависти и обиды, а напоследок уверенно произнес: «Пусть ты не можешь попасть в Фан-таун, но никогда не забывай, что ты ничем не хуже тех, кого туда пускают».

Элвуд тоже был ничем не хуже. Пускай и жил в Таллахасси, за двести тридцать миль к югу от Атланты. Когда он гостил в Джорджии, у кузенов, он иногда видел рекламу Фан-тауна. Крутые горки, беспечная музыка, бойкие белые дети, выстроившиеся в очередь, чтобы прокатиться на аттракционе «Дикая мышь» или сыграть в мини-гольф. Или пристегнуться к креслу «атомной ракеты» и отправиться на Луну. В рекламе упоминалось, что для отличников вход свободный – надо только показать табель с красным штампом от учителя. Элвуд, к которому это как раз относилось, уже скопил целую стопку доказательств своих успехов, чтобы было что предъявить в тот день, когда ворота Фан-тауна распахнутся перед всеми чадами Господними, как предрекал доктор Кинг. «Я туда целый месяц смогу бесплатно ходить, это уж как пить дать!» – сказал он бабушке, лежа на полу в гостиной и обводя большим пальцем проплешину на ковре.

Этот самый ковер его бабушка Гарриет раздобыла в переулке за отелем «Ричмонд» после недавнего ремонта. Комод, стоявший у нее в спальне, маленькая прикроватная тумбочка из комнаты Элвуда и три светильника тоже были в свое время выдворены из отеля. Гарриет работала в нем с тех самых пор, как в четырнадцать лет пришла помогать с уборкой матери. А как только Элвуд перешел в старшие классы, управляющий «Ричмонд», белокожий мистер Паркер, недвусмысленно намекнул ему, что готов взять такого смышленного парня швейцаром хоть сегодня, но его ждало разочарование: мальчик нанялся в лавку «Табак и сигары от Маркони». Мистер Паркер всегда с теплотой относился к их семье, даже после того как ему пришлось уволить матушку Элвуда за воровство.

Элвуду нравился и «Ричмонд», и мистер Паркер, но от одной мысли, что уже четвертое поколение его семьи будет работать в отеле, ему становилось не по себе, а почему – он и сам толком не мог объяснить. Так было еще до энциклопедий. Когда Элвуд был младше, он много времени проводил на кухне отеля – приходил после уроков, садился на перевернутый ящик и читал комиксы и детективы о братьях Харди, пока бабушка наводила наверху чистоту. После исчезновения родителей Элвуду ей было спокойнее, если девятилетний внук ждал ее где-нибудь неподалеку, а не дома, в одиночестве. А заметив, как он общается с мужской половиной кухонной обслуги, она рассудила, что сиделки в отеле – это в некотором роде школа для мальчишки и мужское общество уж точно принесет ему пользу. Для поваров и официантов Элвуд стал вроде талисмана. Они играли с ним в прятки и разглагольствовали на житейские темы: о нравах белых, о том, как захомутать девчужку-хохотушку или куда лучше прятать деньги в доме. Элвуд редко понимал, о чем толкуют эти взрослые, но всегда храбро кивал в ответ и возвращался к своим книжкам.

Бывало, что после наплыва посетителей Элвуд подбивал кого-нибудь из посудомойщиков вытирать с ним тарелки наперегонки, а они добродушно изображали разочарование, когда ему удавалось выиграть. Его улыбка и чудаковатый восторг от каждой победы доставляли им радость. А потом персонал стал меняться. Новые гостиницы, открывшиеся в центре, переманивали людей к себе, повара не задерживались надолго, а несколько официантов вообще не вернулись, когда кухню снова открыли после затопления. Следом за сменой штата и Элвудовы состязания утратили приятную новизну и превратились в подловатенькую суету: новеньким мойщикам посуды нашептали, что внук одной из уборщиц охотно делает работу за других, если его убедить, что все это просто игра, так что, мол, не упустите шанс. Что это за надменный мальчишка, который слоняется тут без дела, пока остальные гнут спины, и которого, точно щеночка, будь он неладен, нет-нет да и погладит по головке сам мистер Паркер? Сидит себе, сунув нос в комиксы, да забот не знает! «Новобранцы» кухни решили преподать юному уму совершенно другие уроки. Научить тому, что знают о мире они сами. Элвуду было неизвестно, что условия поединка изменились. Всякий раз, когда он предлагал посостязаться, вся кухня с трудом сдерживала смех.

Когда появились энциклопедии, Элвуду было двенадцать. Как-то раз один из помощников официанта притащил на кухню стопку коробок и созвал всех поглядеть на его улов. Элвуд тоже протиснулся сквозь толпу – поглядеть на собрание энциклопедий, забытое в одном из номеров заезжим торговым агентом. О том, какие богатства оставляют в своих комнатах белые толстосумы, ходили легенды, но до кухни завидный куш добирался редко. Повар по имени Барни открыл верхнюю коробку и достал томик Всемирной энциклопедии Фишера, Аа-Бр, в кожаном переплете и с красным обрезом. Он протянул книгу Элвуду, и тот удивился, до чего же она тяжелая – настоящий кирпич. Мальчик пролистал том, шурясь, чтобы лучше разобрать напечатанные мелким шрифтом заголовки: *Авгий, Аргонавт, Архимед*, – и живо представил, как сидит на диване в гостиной и переписывает понравившиеся слова. Те, что цепляют взгляд на бумаге, – или забавно звучат в его воображаемом исполнении.

Кори, тот самый помощник официанта, который сказал, что готов продать книгу, сам читать не умел и учиться этому пока не планировал. Элвуд назвал свою цену. Учитывая, что за люди крутились на кухне, не трудно было догадаться, что на энциклопедию никто больше не позарится. Тем не менее Пит, один из новых посудомойщиков, предложил за нее побороться.

Пит родился в Техасе, и был грубоват и неуклюж. Пару месяцев назад его наняли помощником официанта, но из-за нескольких неприятных инцидентов перевели на кухню. За работой он то и дело озирался, точно боялся, что за ним следят, и болтать не любил, но из-за визгливого хохота то и дело становился объектом всеобщих насмешек. Он вытер руки о штаны и сказал:

– До ужина как раз есть еще времечко, если ты не против.

Кухня как нельзя лучше подходила для состязания, равных которому здесь еще не видавали. Тут же достали секундомер и вручили его Лену, седовласому официанту, работавшему в отеле уже больше двадцати лет. Он всегда методично следил за тем, чтобы его черная форма выглядела опрятной, и в обеденной зале – к позору белых завсегдатаев – не находилось мужчины, одетого лучше. Лен со своей внимательностью к деталям превосходно подходил на роль арбитра. Перед соперниками тут же поставили две стопки посуды – в каждой по пятьдесят тарелок, тщательно облитых водой под надзором Пита и Элвуда. Двое помощников официантов выступили в этой дуэли секундантами, взяв по охапке сухих полотенец, чтобы при необходимости быстро подать их участникам. У дверей выставили дозорных – на случай, если появится управляющий.

Элвуду была не свойственна бравада, но за последние четыре года он в таких состязаниях ни разу не проигрывал, и в его лице отчетливо читалась уверенность. У Пита вид был сосредоточенный. Элвуд не чувствовал в Техасе угрозы – недаром ведь в прошлые разы он побеждал посудомойщика «всухую». Пит, как правило, принимал поражение спокойно.

Лен начал обратный отсчет с десяти – и схватка началась. Элвуд придерживался метода, который отточил за долгие годы, его движения были осторожными и машинальными. Он не выронил и не сколол о край стола в спешке ни одной тарелки. Другие кухонные служки стали шумно подначивать их, а растущая гора посуды рядом с Питом начала не на шутку тревожить Элвуда. Техасец сумел вырваться вперед, у него точно открылось второе дыхание. Зрители изумленно заахали. Элвуд старательно вообразил стопку книг в гостиной их дома и поднажал.

– Стоп! – объявил Лен.

Элвуд опередил соперника на одну тарелку. Мужчины заулюлюкали, засмеялись и принялись обмениваться взглядами, смысл которых Элвуд поймет гораздо позже.

Гарольд, один из помощников официанта, похлопал Элвуда по спине.

– Да ты прирожденный посудомойщик, а, пройдоха? – воскликнул он, и кухня наполнилась хохотом.

Элвуд убрал том Аа-Бр в коробку. Какой же шикарный ему достался трофей!

– Заслужил, – сказал Пит. – Надеюсь, книги пойдут тебе на пользу.

Элвуд попросил завхоза передать его бабушке, что он идет домой. Ему не терпелось увидеть, каким станет ее лицо, когда она заметит на полках у них дома тома энциклопедии – изысканные и солидные. Сгорбившись от натуги, он дотащил коробки до автобусной остановки на улице Теннесси. Этого серьезного парнишку, взвалившего на себя бремя мировых знаний, вполне мог изобразить на своей картине Норман Роквелл, если б только тот родился белокожим.

Вернувшись домой, он первым же делом вынул из зеленого книжного шкафа, стоявшего в гостиной, «Братьев Харди» и «Тома Свифта» и стал разбирать коробки. Когда в руки ему попал том с буквами «Га» на корешке, в нем разыграло любопытство: он решил узнать, как же эрудиты из компании Фишера объясняют, что такое *галактика*. Вот только страницы оказались пустыми – все как одна. Все до единой книги из первой коробки были с чистыми страницами –

кроме той, которую он листал на кухне. Элвуд бросился открывать остальные коробки. К щекам прилил жар. Все книжки оказались пустышками.

Когда пришла бабушка, она, покачав головой, предположила, что это, наверное, брак, а может, коммивояжер нарочно возил с собой образцы для покупателей – чтобы те без особого труда могли представить, как будет смотреться у них в библиотеке полное собрание. Той ночью, когда Элвуд лежал в постели, мысли тикали и гудели у него в голове, точно она вдруг обратилась в какой-то диковинный, сложный механизм. Он вдруг понял: тот самый помощник официанта, да что там, все служки с кухни знали, что книги пусты. Они устроили весь этот цирк нарочно.

Но энциклопедии он с полок так и не убрал. Выглядели они внушительно, даже несмотря на то, что скоро от жары у них стали облезать обложки. Кожа тоже оказалась поддельной.

Следующий день на кухне стал для него последним. Все чересчур внимательно всматривались Элвуду в лицо. Кори любопытствовал, «как ему книжки», и застыл в ожидании реакции. Пит стоял себе у раковины, и с его губ не сходила ухмылка – ее будто высекли на лице ножом. Они и впрямь знали. Бабушка согласилась с тем, что он уже взрослый и может сидеть дома один. В старших классах он нет-нет да и задумывался, а не играли ли все это время посудомойщики с ним в поддавки. А он ведь так гордился своими способностями – вот ведь наивный, вот дурачье. Впрочем, твердого ответа он так и не нашел – пока не попал в Никель, где волей-неволей уяснил всю правду о состязаниях.

Глава вторая

Распрощаться с кухней значило распрощаться и с одиночной игрой, которой Элвуд забавлялся втайне от всех: всякий раз, когда распахивались двери столовой, он мысленно делал ставки – есть сейчас в зале чернокожие клиенты или нет. В соответствии с судебным решением по делу «Браун против совета по образованию» школам полагалось провести десегрегацию – и уже недалек был час, когда все невидимые стены падут. Вечером, когда по радио зачитали постановление Верховного суда, бабушка Элвуда вскрикнула, точно кто-то опрокинул ей на колени горячий суп, но тут же осеклась и расправила юбки.

– Вот только этого негодника Джима Кроу с его законами так просто не изгнать, – заметила она.

А наутро снова встало солнце, и все было в точности как всегда. Элвуд спросил у бабушки, когда же негры начнут останавливаться в «Ричмонде», а она ответила, что одно дело – указать человеку, как поступать правильно, и совсем другое – заставить его эти указания исполнить. В пример бабушка привела некоторые поступки самого Элвуда, и он кивнул: наверное, так и есть. И все-таки рано или поздно дверь распахнется, и за ней проглянет смуглое лицо франтоватого бизнесмена, прибывшего в Таллахасси по делам, или изысканно разодетой дамочки, приехавшей полюбоваться городскими видами, – и они тоже смогут насладиться ароматными кушаньями от местных поваров. Элвуд в этом не сомневался. Свою потайную игру он впервые затеял, когда ему было девять, но за три года так ни разу и не увидел в столовой других темнокожих, кроме полотеров да разносчиков тарелок и бокалов. Игры он не прекращал до тех самых пор, пока не покинул «Ричмонд». Соперничал он все это время с собственной глупостью или с ослиным упрямством мира, который не желал меняться, так и осталось неясным.

Не один мистер Паркер жаждал заманить Элвуда к себе на службу. Белые вообще частенько зазывали его на работу – одни отмечали в нем прилежание и спокойствие, а другие, увидев, что держится он совсем не как его темнокожие ровесники, считали, что это свидетельствует о трудолюбии. Мистер Маркони, владелец табачной лавки на Макомб-стрит, наблюдал за Элвудом с тех самых пор, когда тот еще лежал в скрипучей, насквозь проржавевшей коляске и хныкал. Мать Элвуда, стройная женщина с темными, уставшими глазами, даже не пыталась утихомирить свое дитя. Она бы предпочла скупить все журналы о кино и раствориться в них под громкие младенческие крики.

Мистер Маркони крайне редко покидал свой «намест» у кассы. Приземистый, потный, с невысоким начесом в стиле помпадур и черными усиками, к вечеру он неизбежно выглядел потрепанным и усталым. У входной двери резко пахло его тоником для волос, а еще за ним повсюду тянулся шлейф знойного полудня. Со своего стула мистер Маркони наблюдал, как взрослеет Элвуд, как он начинает тянуться к собственному солнцу, отдаляясь от других ребят, живущих по соседству, – те уже всю безобразничали, шумно толкались в проходах между полками, прятали по карманам комбинезонов пачки конфет «Ред Хотс», думая, что мистер Маркони ничего не замечает. А он все видел – но молчал.

Элвуд принадлежал ко второму поколению его покупателей из Френчтауна. Мистер Маркони занялся торговлей в сорок втором, через несколько месяцев после открытия военной базы. Чернокожие солдаты приезжали на выходные во Френчтаун на автобусе из лагеря «Гордон Джонстон» или с военного аэродрома Дэйл-Мэбри, устраивали тут шумные гулянки, а потом устало тащились назад, чтобы продолжить муштру перед отправкой на фронт. Кто-то из родственников Маркони открыл магазинчики в центре города и неплохо на этом зарабатывал – белому, который разбирается в сегрегационной экономике, не так уж трудно обогатиться. Лавочка Маркони находилась неподалеку от отеля «Блубел». А за углом располагались

бар «Тип-Топ» и бильярдная «Мэрибель». Маркони хорошо подзаработал на продаже всевозможных сортов табака и презервативов «Ромео» в жестяных коробочках.

Когда война кончилась, он переместил табак в заднюю часть магазина, перекрасил стены в белый, добавил стойку с журналами, дешевые конфетки, автомат с газировкой, – и это помогло спасти репутацию лавочки. Он нанял помощника. Не то чтобы тот и впрямь был нужен, но жене нравилось всем рассказывать, что у него есть персонал в подчинении, да ему и самому казалось, что так его магазинчик становится привлекательнее в глазах френчтаунской темнокожей «элиты».

Элвуду исполнилось тринадцать, когда Винсент, исполнявший раньше обязанности кладовщика у Маркони, записался добровольцем в армию. Внимательностью Винсент не отличался, зато опрятности и проворности ему было не занимать – а эти качества мистер Маркони очень ценил в других, раз уж сам не мог ими похвастать. В последний рабочий день Винсента Элвуд по своему обыкновению заглянул в лавочку, чтобы полистать комиксы. У него была любопытная привычка: прежде чем оплатить комикс, он прочитывал его от корки до корки, притом что покупал каждый, к которому притрагивался. Мистер Маркони поинтересовался, зачем он их читает, раз уж все равно купит – и не важно, плох комикс или хорош, – и Элвуд ответил: «Да так, просто проверить». Владелец магазинчика спросил, не нужна ли Элвуду работа. Тот закрыл выпуск «Путешествия в тайну» и ответил, что сперва надо спросить у бабушки.

Гарриет установила в доме определенные правила, регламентирующие, что можно делать, а чего ни в коем случае нельзя, и порой для Элвуда единственным способом усвоить этот длинный перечень оставалось просто его нарушить. Он дождался окончания ужина, который состоял из жареного сома и маринованной зелени, и, когда бабушка поднялась, чтобы убрать со стола, обо всем ей рассказал. На этот раз у нее не возникло серьезных возражений, если не считать напоминания о том, что Эйб, дядя Элвуда, курил сигареты, – и поглядите, что с ним теперь стало; а Макомб-стрит с давних времен известна как рассадник порока; мало того, несколько десятилетий назад с бабушкой дурно обошелся один торгаш-итальянец, но сейчас ее гнев сменился сдержанной неприязнью. «Они, поди, и не родственники вовсе, – предположила она, вытирая руки. – Разве что совсем дальние».

Она разрешила Элвуду работать в лавочке после уроков и по выходным. Половину недельного жалования внук должен был отдавать на хозяйственные расходы, а половину – откладывать на колледж. Прошлым летом он упомянул, что хочет поступить туда, – вскользь, не придав этим словам особого веса. Положительный исход дела «Браун против совета по образованию» был маловероятен, а получение высшего образования кем-нибудь из родни для Гарриет казалось и вовсе чудом. Перед этим стремлением рассеивались любые опасения относительно работы в табачной лавке.

Элвуд аккуратно расставлял газеты и комиксы на проволочных стойках, стирал пыль с залежавшихся пакетиков с конфетами, раскладывал сигаретные пачки в соответствии с теорией Маркони об упаковках и их воздействии на «островок счастья в человеческом мозге». Временами он по-прежнему задерживался у раздела с комиксами и осторожно – точно в руках у него динамит – перечитывал их, но особым магнетизмом обладали новостные журналы. Сильное впечатление на Элвуда произвел журнал «Лайф» со всем присущим ему шиком. По четвергам стопку таких журналов привозил белый грузовик – Элвуд научился узнавать его по скрипу тормозов. Рассортировав «возврат» и выставив на продажу новые поступления, он присаживался на корточки, даже не спускаясь со стремянки, раскрывал свежий номер журнала и отправлялся в путешествие по бесчисленным уголкам Америки.

Он знал френчтаунскую историю негритянского сопротивления, знал, где кончается его район и вступают в действие «белые законы». А фоторепортажи в журнале «Лайф» переносили его в самый эпицентр битвы: автобусные бойкоты в Батон-Руж, сидячие забастовки в Грин-

сборо – туда, где к сопротивлению присоединялись ребята немногим старше его. Их избивали железными прутьями, поливали из пожарных шлангов, в них плевались белые домохозяйки с разъяренными лицами, устремляли свой прицел камеры, чтобы запечатлеть эти картины благородного несогласия. В происходящем Элвуда поражали мельчайшие детали: мужские галстуки, перечеркивающие ровными черными стрелками водоворот насилия, идеальные лекала девичьих причесок на фоне протестных плакатов. Все эти юноши и девушки очаровывали, даже когда по их лицам струилась кровь. То были рыцари, бросившие вызов драконам. Элвуд был узок в плечах, худ как жердь и вечно переживал, как бы не сломать очки, которые стоили немалых денег и в его кошмарах не раз разбивались о дубинки полицейских, монтировки, бейсбольные биты; но он все равно мечтал присоединиться к протестам. Просто у него не осталось выбора.

Он листал журналы каждую свободную минутку. Рабочие смены в лавке Маркони дарили Элвуду представление о том, каким человеком он может стать, и отдаляли от френчтаунских мальчишек, с которыми он не имел ничего общего. Бабушка уже давно запрещала ему играть с местной ребятней, которую считала безвольной и чересчур шевутной. Табачная лавка, как и кухня отеля, была для Элвуда своего рода убежищем. Гарриет воспитывала внука в строгости, об этом все знали, и остальные родители, соседствующие с ними на Бревард-стрит, ставили Элвуда в пример своим детям, чем только увеличивали пропасть между ними. И когда мальчишки, с которыми он когда-то играл в ковбоев и индейцев, носились за ним по улице и забрасывали его камнями, то было не вполне озорство – скорее обида.

Его соседи постоянно заходили в лавочку Маркони, и их миры схлестывались. Однажды колокольчик над дверью звякнул, и на пороге появилась миссис Томас.

– Добрый день, миссис Томас! – поприветствовал ее Элвуд. – Не желаете ли холодной апельсиновой газировки?

– Я подумаю, Эл, – ответила посетительница. Заядлая модница, она пришла сегодня в самопальном желтом платье в горошек, сшитом по образцу наряда Одри Хепбёрн с обложки журнала. Мало кто из окрестных жительниц смотрелся бы в этом платье столь же уверенно, и миссис Томас прекрасно это понимала. Когда она замирала, трудно было отделаться от ощущения, что она позирует, дожидаясь града фотовспышек.

В юности миссис Томас и Эвелин Кертис были лучшими подругами. Одно из ранних воспоминаний Элвуда запечатлело тот знойный день, когда он сидел у мамы на коленях, а та играла с миссис Томас в кункен. На улице стояла страшная жара, Элвуд все ерзал, силясь заглянуть в мамины карты, а она просила его не озорничать. Когда она отлучилась в туалет, миссис Томас тайком дала ему попробовать апельсиновую газировку. Язык у него тут же сделался оранжевым и мигом выдал заговорщиков, но, пока Эвелин добродушно журила их, они весело хихикали. Элвуд тепло вспоминал тот день.

Миссис Томас полезла в кошелек, чтобы заплатить за две банки газировки и свежий номер журнала «Джет».

– Уроки хоть успеваешь делать? – спросила она.

– Да, мэм.

– Я мальчонку сильно не загружаю, – подал голос мистер Маркони.

– Хм-м-м... – протянула в ответ миссис Томас. В ее голосе слышалась подозрительность.

Дамы из Френчтауна хорошо помнили табачную лавку с самых ее бесславных истоков, и считали, что в их семейных невзгодах отчасти повинен и итальянец. – Делай, что должен, Эл, – напутствовала она на прощание, забирая сдачу. Элвуд проводил ее взглядом. Его мать бросила их обоих; и пускай сыну она писать забывала, не исключено, что подруге все же присылала открытки из своих странствий. Как знать, быть может, однажды миссис Томас поделится с ним новостями.

В магазинчике мистера Маркони можно было купить журнал «Джет» и, конечно, «Эбони». Элвуд попросил его добавить в ассортимент «Крайсиз», «Чикаго дефендер» и другие издания для темнокожих. И его бабушка, и ее друзья были подписаны на них, а он все не мог взять в толк, отчего в лавочке они не продаются.

– Правда твоя, – сказал мистер Маркони и поджал губы. – Кажется, раньше они у нас продавались. А потом что-то случилось, а что, и сам не знаю.

– Понятно, – отозвался Элвуд.

Мистер Маркони уже давно перестал пекся о покупательских нуждах своей клиентуры, зато Элвуд четко помнил, кто и зачем приходит в лавку. Его предшественник, Винсент, мог разрядить обстановку какой-нибудь сальной шуточкой, но предприимчивостью не блистал. Зато у Элвуда ее было предостаточно: он регулярно напоминал мистеру Маркони, кто из поставщиков табака обсчитал их в прошлый раз и какие конфеты больше закупать не стоит. Мистер Маркони с трудом отличал френчтаунских дам друг от друга – тем более что все они при виде его принимались сердито хмуриться; из Элвуда же вышел прекрасный посредник. Итальянец подолгу смотрел на мальчишку, пока тот жадно читал журналы, и гадал, как же он таким вырос. Строгое бабушкино воспитание сразу бросалось в глаза. Элвуд был трудолюбив и умен, настоящая гордость своего народа. Но порой в упор не видел простейших вещей. К примеру, не умел вовремя отступить, пустив все на самотек. Взять хотя бы историю с синяком.

Дети воруют конфеты безо всякой привязки к цвету кожи. Мистер Маркони и сам в годы беспечной юности каких только фокусов не выкидывал. Да, бывают мелкие убытки – тут недостача, там недостача, – но важнее всего не это. Пускай сегодня ребенок крадет шоколадку, но ведь и он, и его друзья годами приносят лавочке прибыль. Да и родители тоже. Если выставить хулиганов на улицу за крошечную провинность, пойдет молва, особенно в таком райончике, где все без конца суют нос не в свое дело, – а потом уже и родители шалопаев приходят перестанут – им попросту будет стыдно. С точки зрения мистера Маркони, закрывать глаза на ребячье воровство – это почти что инвестиция.

Но за время работы в лавочке Элвуд пришел к другим выводам. Еще до того, как стать кладовщиком, он не раз слышал, как его приятели с гоготом хвастались «конфетными грабежами», и видел, как они дерзко выдувают огромные розовые пузыри жвачки «Базука», отдалившись от лавочки на приличное расстояние. В таких налетах Элвуд не участвовал, да и вообще был к ним равнодушен. Свое отношение к воришкам босс изложил ему в первую же смену, вкупе с уточнениями, где хранится швабра и в какие дни ожидать крупных поставок. За несколько месяцев Элвуд частенько наблюдал, как сладости исчезают в карманах мальчишек. Мальчишек, которых он знал. Иногда они даже подмигивали ему, если их взгляды пересекались. Целый год Элвуд молчал. Но в тот день, когда Ларри и Уилли схватили лимонные леденцы, заметив, что мистер Маркони нырнул под прилавок, он не сдержался:

– Положите на место.

Ребята застыли. Ларри и Уилли знали Элвуда всю свою жизнь. Они вместе играли в стеклянные шарики и салки, когда были совсем еще маленькими, правда, игры сошли на нет, после того как Ларри поджег пустырь на Дейд-стрит, а Уилли дважды оставили на второй год. Гарриет вычеркнула их из списка порядочных приятелей. Все трое были выходцами из семей, которые целыми поколениями жили во Френчтауне. Бабушка Ларри ходила вместе с Гарриет в воскресную школу, а отец Уилли в детстве близко дружил с Перси, отцом Элвуда. Когда-то они вместе отбыли в армию. Теперь же отца Уилли каждый день выкатывали в инвалидном кресле на крыльцо, и он сидел там, покуривая трубку, и всякий раз махал Элвуду, когда тот проходил мимо.

– Положите на место, – велел Элвуд.

Мистер Маркони склонил голову набок – хватит, мол. Мальчишки вернули конфеты на полку и вышли, затаив в душе кипучую ярость.

Маршрут Элвуда они знали. Когда он возвращался домой и проезжал мимо окон Ларри на велосипеде, они редко упускали возможность позубоскалить и подразнить его «паинькой». А в тот вечер накнулись с кулаками. Уже темнело, и аромат магнолии смешивался с резким запахом жареной свинины. Парни опрокинули Элвуда вместе с велосипедом на новый асфальт, который по приказу окружной администрации положили как раз минувшей зимой. Потом они сорвали с него свитер, а очки швырнули на землю. Пока они его колотили, Ларри любопытствовал, все ли у Элвуда в порядке с его чертовой головой, а Уилли заметил, не пора ли ему преподать урок, – и поспешил исполнить задуманное. Элвуд пару раз пытался дать сдачи – но неуклюже, что уж тут скажешь. Плакать – не плакал. Обычно, увидев на улице потасовку, Элвуд всегда вмешивался и старался разнять драчунов. Теперь же и он получил свое. Какой-то старик, заметив драку, пересек улицу и прогнал Ларри с Уилли, а потом спросил Элвуда, не желает ли тот умыться или выпить воды. Тот отказался.

Цепь на велосипеде лопнула, и его пришлось катить до самого дома. Когда Гарриет спросила, что с его глазом, Элвуд молча покачал головой. Докучать расспросами она не стала. К утру синяк под глазом налился кровью.

Пришлось признать: Ларри отчасти прав. Время от времени Элвуду и самому казалось, что он не в *своем* уме. Объяснить этого чувства – даже самому себе – он не мог, но ровно до тех пор, пока проповеди с «Горы Сион» не даровали ему нужный язык. *В душе мы все обязаны верить, что мы – личности, что мы значимы и достойны, и с этим чувством собственного достоинства и значимости мы должны изо дня в день шагать по дороге жизни.* Запись все повторялась и повторялась, она была точно спор, то и дело возвращающийся к неопровержимому аргументу; а слова доктора Кинга заполнили все пространство гостиной крошечного одноэтажного домика. Элвуд покорился своду правил, которому доктор Кинг придал форму, звучание и смысл. Существуют мощные силы, такие как Джим Кроу, жаждущие подавить негров; а еще есть силы послабее, как разные другие люди, которые хотят сломать одного тебя; но против всех этих невзгод, что больших, что маленьких, непременно надо выстоять, не утратив своего «я». Энциклопедии бывают пустыми. На свете есть люди, которые так и норовят обмануть, с улыбкой на губах вручить тебе пустышку, а некоторые не прочь лишить тебя самоуважения. Но нужно всегда помнить, кто ты есть.

Чувство собственного достоинства. Сколько неисчерпаемой силы в этих надрывно звучащих словах. Даже если несчастья подкарауливают тебя в темных закоулках по пути домой. Они побили его, порвали одежду, вообще не понимая, зачем он защищает белого человека. Как им объяснишь, что их жульничество в отношении мистера Маркони оскорбляет самого Элвуда, и не важно, о чем речь: о карамельках или о книжке комиксов. Совсем не потому, что, как уверяет нас церковь, преступление против ближнего – это преступление против тебя самого, а потому, что для него, Элвуда, бездействие означало утрату достоинства. И не важно, что мистер Маркони сам говорил, будто ему все равно; не важно, что Элвуд ни слова не сказал своим приятелям, когда они при нем воровали. Все это было не важно до тех пор, пока не обрело главный смысл.

Таков был Элвуд – ничем не лучше других. В день, когда его арестовали, как раз перед самым появлением помощника шерифа, по радио крутили рекламу Фан-тауна. Он стал подпевать. Вспомнил, что Иоланде Кинг было всего шесть, когда отец открыл ей правду о парках развлечений и «белом законе», из-за которого ей только и оставалось, что смотреть из-за ограды, как веселятся другие. Вечно вглядываться в этот иной мир. Когда родители бросили Элвуда, ему тоже было шесть, и он вдруг подумал, что это еще одна из тех вещей, которые роднят их с Иоландой, – потому что именно тогда он впервые увидел мир в его истинном свете.

Глава третья

В первый учебный день старшекласникам средней школы Линкольна выдали их «новые» учебники, принадлежавшие ранее ребятам стоявшей напротив школы для белых. Узнав, кому передадут их книжки, белые школьники оставили на страницах послания для новых владельцев: «Подавись, ниггер-вонючка, нашим дерьмом!» Сентябрь прошел за изучением неологизмов, которыми щедро пересыпала свою речь белая таллахасская молодежь, – меняющимися год от года, подобно прическам и длине юбок. Унизительно было открыть учебник по биологии на разделе, посвященном пищеварительной системе, и наткнуться на фразу «Сдохни, НИГГЕР!», но со временем ученики старшей школы Линкольна перестали обращать внимание на оскорбления и непристойности. Как пережить очередной день, если любая грубая выходка способна свалить тебя с ног? Для того человек и научился переключать внимание.

Мистер Хилл начал преподавать историю в Линкольне, когда Элвуд только-только перешел в одиннадцатый класс. Он поприветствовал парня и его одноклассников и написал на доске свое имя. Потом раздал ученикам черные маркеры, а следом они получили первое задание: вымарать из учебников все ругательства.

– Всякий раз выхожу из себя, когда это вижу, – сетовал учитель. – Вы здесь для того, чтобы получить образование, – вот и нечего отвлекаться на то, что говорят эти недоумки.

Элвуд да и весь класс в этот момент замерли в оцепенении. Ребята уставились в книги, а потом на мистера Хилла. Взяли маркеры, принялись за работу. У Элвуда шла кругом голова, даже сердце заколотилось быстрее: вот так бунт! И почему им раньше никто не давал таких заданий?

– Только ничего не пропустите, – напутствовал мистер Хилл. – Знаете, до чего хитры эти белые подростки!

Пока ребята вычеркивали проклятия и ругательства, он рассказал о себе. В Таллахассе он перебрался недавно – а до этого учился на педагога в колледже Монтгомери. Впервые побывал во Флориде прошлым летом: приехал на автобусе из Вашингтона, примкнув к движению борцов за права темнокожих². А еще он участвовал в демонстрациях. Заявлялся в кафе, куда черным был вход заказан, и ждал, пока его обслужат.

– Я там чуть ли не всю курсовую успел написать, пока дожидался своей чашки кофе, – поведал он.

Шерифы не раз арестовывали его за нарушение порядка. Рассказывал он об этом чуть ли не со скукой, точно о самой обыденной вещи на свете. Элвуд гадал, а не видел ли он мистера Хилла на страницах журналов «Лайф» или «Дефендер», рука об руку с лидерами великого сопротивления; а может, он стоял где-нибудь на заднем плане, посреди толпы, воспрянувшей духом и гордой.

А еще историк мог похвастать обширной коллекцией галстуков-бабочек: и в горошек, и ярко-алых, и бананово-желтых. Его округлое беззлобное лицо отчего-то казалось еще добрее из-за шрама-полумесяца над правым глазом, оставшегося в память о том, как белый ударил его монтировкой.

– Нэшвилл, – коротко ответил он, когда его однажды спросили об этом шраме, и откусил кусочек груши.

Ребята изучали историю времен Гражданской войны, но мистер Хилл при каждом удобном случае переключал их внимание на день сегодняшней, соединяя то, что случилось сто лет назад, с их нынешней жизнью. Дорога, по которой устремлялись ученики в начале каждого урока, неизменно приводила их обратно, к собственному порогу.

² Одним из способов такой борьбы были поездки темнокожих активистов на общественном транспорте вместе с белыми.

Мистер Хилл разглядел в Элвуде человека, живо интересующегося борьбой за права, и всякий раз, когда тот вмешивался в разговор, растягивал рот в улыбке. Остальные линкольнские преподаватели высоко ценили парнишку, в особенности его спокойный нрав. Те из них, кто много лет назад обучал его родителей, не сразу отыскивали к Элвуду подход: пусть он и носил фамилию своего отца, в нем не было и капли той чарующей необузданности, которой мог похвастать Перси, как не было и пугающей мрачности Эвелин. Счастлив был тот учитель, которого Элвуд выручал в нужный момент, растормошив начавший клевать носом от полуденного зноя класс рассказами об Амстердаме или Архимеде. Как-никак, у мальчишки дома стоял единственный полноценный томик Всемирной энциклопедии Фишера, вот он им и пользовался, а что еще было делать? Все лучше, чем ничего. Он часто листал его, зачитал чуть не до дыр, то и дело возвращался к излюбленным страницам, точно это была книжка о приключениях, которые он так обожал. «Истории», напечатанные в энциклопедии, были разрозненными и неполными, но по-своему захватывающими, особенно занятные определения или этимологические справки, которые Элвуд выписывал к себе в тетрадку. Позже это вылавливание мелочей стало казаться ему пустой тратой времени.

Когда под конец девятого класса пришло время готовить ежегодную постановку к Дню освобождения, главную роль, как не трудно догадаться, предложили Элвуду. Он должен был сыграть Томаса Джексона, человека, объявившего таллахасским рабам, что отныне они свободны, – и, репетируя эту роль, он точно готовился к собственному будущему. Своего персонажа Элвуд играл с той же искренностью и самоотдачей, с какими выполнял все прочие свои обязанности. По сюжету Томас Джексон был рубщиком сахарного тростника на плантации, в начале войны бежал, чтобы вступить в ряды Армии Союза, а домой вернулся видным государственным мужем. Каждый год Элвуд находил для Томаса новые жесты и интонации, а из его речей потихоньку исчезала фальшь – по мере того как портрет персонажа оживляли собственные убеждения Элвуда.

– С превеликой радостью сообщаю вам, любезные дамы и господа, что настал час сбросить оковы рабства и занять наше место истинных американцев – в конце-то концов!

Автор пьесы, учительница биологии, несколько лет назад побывавшая на Бродвее, постаралась воссоздать в своем детище волшебство тамошней атмосферы.

За те три года, что Элвуд играл в постановке, сильнее всего он волновался в момент, когда Джексон должен был чмокнуть в щечку самую прекрасную девушку. Дальше их ждала свадьба и – как подразумевалось – счастливая и плодovitая жизнь в обновленном Таллахасси. Кто бы ни играл эту самую Мэри Джин – веснушчатая, лунолика Энни или Беатрис с длинными, как у кролика, верхними зубами, вонзающимися в нижнюю губу, или, как в последний год, Глория Тейлор, которая была на целый фут выше, и Элвуду даже приходилось вставать на мыски, – у него всякий раз сосало под ложечкой от волнения и даже кружилась голова. Бесконечные часы, проведенные в библиотеке Маркони, к пылким речам его подготовили, а вот к общению с темнокожими красавицами Линкольна – что на сцене, что за ее пределами – нет.

Он читал и грезил о протестном движении, которое поначалу казалось недостижимым, а потом подобралось ближе. Во Френчтауне устраивали акции протеста, но Элвуд по причине слишком юного возраста не мог к ним присоединиться. Когда ему было десять, две девушки из Флоридского университета сельского хозяйства и машиностроения предложили провести автобусный бойкот. Бабушка не сразу поняла, для чего им понадобилось устраивать в городе такой бедлам, но спустя несколько дней уже и сама приноровилась добираться до отеля, подсев попутчицей к кому-нибудь в машину, – и так делали все.

– Все в округе Леон с ума посходили, и я в том числе! – заявила она.

А зимой в городе появились автобусы для всех, и она, однажды войдя в салон, наконец-то увидела за рулем темнокожего водителя. Она села, куда ей хотелось.

Элвуду запомнилось, что четыре года спустя, когда студенты решили устроить сидячую забастовку в «Вулвортсе», бабушка одобрительно усмехнулась. Она даже пожертвовала пятьдесят центов на услуги адвоката, когда протестующих отправили за решетку. А когда протесты улеглись, она все равно продолжила бойкотировать магазины в центре, хотя трудно сказать, из солидарности она это делала или просто возражала против высоких цен. Весной шестьдесят третьего поползли слухи, что студенты колледжа собираются устроить пикет у Флоридского кинотеатра, чтобы туда стали пускать и негров. Элвуд не сомневался, что Гарриет будет им гордиться, если он примкнет к пикетчикам.

Но он ошибся. Гарриет Джонсон, маленькая и худенькая, точно птичка, бралась за дело с неистовой решимостью. Работаешь ли ты, принимаешь пищу или беседуешь с человеком, делать это надо со всей серьезностью или не браться за это совсем – так она считала. Под подушкой бабушка хранила мачете для рубки тростника – на случай, если ночью нагрянут воры, и Элвуд был твердо уверен, что в этой жизни она ничего не боится. Вот только страх был для нее топливом.

Да, Гарриет присоединилась к автобусному бойкоту. Ей пришлось. Не она одна во Френч-тауне пользовалась общественным транспортом. Всякий раз ее бросало в дрожь, когда Слим Харрисон показывался на своем «кадиллаке» пятьдесят седьмого года выпуска, а ей и другим женщинам, вынужденным, как и она, выбираться в центр, приходилось втискиваться в заднюю часть автобуса. Когда начались сидячие забастовки, Гарриет радовалась тому, что никто не ждет от нее активного участия. Это была битва молодых, а ей не хватало на это духу. Станешь вести себя как выскочка – заплатишь сполна. Таково было убеждение Гарриет, шла ли речь о гневе Господнем за ропот на свой удел или о белых, которые научили ее никогда не просить больше тех жалких крох, что сами готовы ей отсыпать. Ее отец поплатился за то, что не уступил дорогу белой даме на Теннесси-авеню. Супруг, Монти, пострадал за свое неравнодушие. Перси, отец Элвуда, подхватил в армии столько идей, что, когда вернулся, в Таллахасси ему стало тесно. А теперь вот Элвуд. Гарриет купила пластинку с выступлениями Мартина Лютера Кинга у торговца неподалеку от «Ричмонда», выложив за нее десять центов, и это была самая бессмысленная трата в ее жизни. Запись изобиловала идеями, не более того.

Фундаментальной добродетелью Гарриет считала трудолюбие – ведь тому, кто трудится, не до демонстраций с забастовками. Нечего Элвуду участвовать в этой нелепой битве за кинотеатр и нарушать общественный порядок, говорила она. «Ты ведь пообещал мистеру Маркони, что будешь помогать ему после уроков. Если работодатель не сможет на тебя рассчитывать, ты вмиг потеряешь место». Она надеялась, что Элвуда спасет чувство долга, которое когда-то спасало ее саму.

Где-то под полом застрекотал сверчок. Он столько лет живет с ними, что пора уже брать с него арендную плату. Элвуд оторвал взгляд от учебника по химии и сказал: «Ладно». А на следующий день попросил у мистера Маркони выходной. Он уже как-то раз брал отгул по болезни на пару дней, но больше за все три года ни разу работы не пропускал, если не считать поездок к родственникам.

Да, конечно, ответил мистер Маркони, даже не поднимая глаз от программы скачек.

Элвуд надел черные брюки, в которых выступал на прошлогоднем праздновании Дня освобождения. С тех пор он подрос на несколько дюймов, и штанины пришлось отпустить, но из-под них все равно выглядывала тонкая полоска белых носков. Черный галстук, который Элвуд сумел завязать всего с шестой попытки, украшал новенький зажим изумрудного цвета. Туфли были начищены до блеска. Словом, выглядел он презентабельно, пускай и переживал, что будет с очками, если полицейские выхватят дубинки, а белые – обрезки труб и бейсбольные биты. Элвуд отогнал от себя кровавые картинки из газет и журналов и заправил рубашку.

На подходе к бензоколонке «Эссо» на Монро-стрит он услышал, как толпа скандирует: «Чего мы хотим? Свободы! Когда? Немедленно!» Перед кинотеатром маршировали змейкой

студенты Университета сельского хозяйства и машиностроения, а под навесом, у самого входа, протестующие выкрикивали лозунги и размахивали плакатами. В эти дни в кинотеатре крутили «Гадкого американца», и при наличии семидесяти пяти центов на билет и белой кожи можно было увидеть Марлона Брандо. Шериф с помощниками стояли на тротуаре в черных очках, скрестив руки на груди. Сзади них собралась горстка белых – они подначивали и осмеивали демонстрантов, а по улице к ним спешила еще вереница таких же. Вперив взгляд в землю, Элвуд обошел толпу и скользнул к протестующим, встав за девушкой постарше в полосатом свитере. Она улыбнулась и кивнула ему, точно ждала его тут все это время.

Стоило ему стать новым звеном этой людской цепи и начать повторять одними губами слова лозунгов, как пришло спокойствие. **ТРЕБУЕМ РАВЕНСТВА ПО ЗАКОНУ!** А он почему без плаката? Элвуд так старательно готовил себе костюм попримечнее, что совсем забыл об этом атрибуте. Правда, у него не получилось бы так же красиво и аккуратно, как у ребят постарше. Их транспаранты были нарисованы будто по трафарету – чувствовалась опытная рука. **НАШ ДЕВИЗ – НЕНАСИЛИЕ. ЛЮБОВЬ ПОБЕДИТ.** Невысокий бритоголовый парнишка размахивал плакатом с надписью «**А ТЫ – ГАДКИЙ АМЕРИКАНЕЦ?**» со множеством мультяшных вопросительных знаков. Кто-то схватил Элвуда за плечо. Он приготовился увидеть нависающий над ним разводной ключ, но рядом стоял мистер Хилл. Учитель истории пригласил Элвуда присоединиться к группке линкольнских старшеклассников. Билл Тадди и Элвин Тэйт, ребята из школьной команды по баскетболу, пожали ему руку. А ведь раньше они делали вид, что его не существует. Элвуд был до того увлечен грезами о справедливости, что ему не приходило в голову, что в школе есть и другие ученики, разделяющие его протестный пыл.

За следующий месяц шериф арестовал две с лишним сотни демонстрантов: их с презрением хватили за воротники, пустив в лицо слезоточивый газ; но самая первая демонстрация прошла мирно. В этот раз к студентам Университета сельского хозяйства и машиностроения присоединились ребята из Технологического колледжа Мелвин-Григгс. И белые из Флоридского университета и Университета штата Флорида³. А еще опытные активисты из Конгресса расового равенства. В тот день их освистывали белые – и стар, и млад, – но в потоке этих оскорблений Элвуд не услышал ничего такого, чего бы ему не кричали из окон автомобилей, когда он ехал на велосипеде по улице. Элвуду показалось, что в толпе раскрасневшихся белых парней он увидел Кэмерона Паркера, сына ричмондского управляющего, и, когда он пошел с демонстрантами на новый круг, его догадка подтвердилась. Всего несколько лет назад они с Кэмероном менялись комиксами в переулке за отелем. Кэмерон его так и не узнал. Прямо перед глазами полыхнула вспышка, и Элвуд испуганно замер, но выяснилось, что фотограф делал снимки для газеты «Реджистер», а бабушка отказывалась ее читать, потому что расовый вопрос в ней рассматривался слишком уж однобоко. Какая-то студентка в синем свитере в обтяжку протянула ему плакат с надписью «**Я – ЧЕЛОВЕК**», и, когда демонстранты направились к Национальному кинотеатру, он поднял его над головой и во весь голос присоединился к гордому хору. В кинотеатре шел фильм «День, когда Марс напал на Землю», и в тот вечер Элвуду казалось, что и он за сегодня преодолел сотню тысяч миль.

Через три дня Гарриет обо всем узнала – кто-то из ее окружения видел Элвуда, и ровно столько времени потребовалось, чтобы до нее долетели эти новости. Последний раз она наказывала его ремнем много лет назад – теперь он был уже слишком взрослым, так что ей пришлось прибегнуть к давней джонсоновской тактике – молчанию. В семье ею пользовались еще со времен Реконструкции Юга, чтобы внушить жертве чувство, будто ее не существует. Еще бабушка запретила включать проигрыватель и, отдавая должное выдержке нынешней цветной молодежи, отнесла его к себе в спальню и придавила кирпичами. Они оба страдали молча.

³ Флоридский университет находится в городе Гейнсвилл, а Университет штата Флорида – в Таллахасси.

Через неделю все дома вернулось на круги своя, вот только Элвуд изменился. Он стал *ближе*. На демонстрации он вдруг почувствовал, что стал *ближе* к самому себе. Всего на мгновение. Стоя под солнцем. Этого было достаточно, чтобы пробудить в нем новые грезы. Как только он поступит в колледж и съедет из их крошечного домика на Бревард-стрит, то заживет собственной жизнью. Будет водить девчонок в кино – хватит уже себе в этом отказывать! – определится, какие предметы станет изучать. Отыщет свое место в толпе юных мечтателей, посвятивших себя борьбе за процветание негритянского населения.

Последнее лето в Таллахасси пролетело быстро. Перед самыми каникулами мистер Хилл принес издание «Записок сына Америки» Джеймса Болдуина, и мир Элвуда перевернулся. «Негры – это американцы, и их судьба есть судьба страны». Выходит, он протестовал перед Флоридским кинотеатром вовсе не для того, чтобы защитить собственные права – или права тех, кто, как и он, принадлежит к черной расе; нет, он отстаивал права всех и каждого, даже тех, кто его освистывал. Моя борьба – это и ваша борьба, а ваше время – это и мое время. Но как донести эту мысль до людей? Он стал засиживаться допоздна – писал письма на тему расизма в «Таллахасси реджистер», где их так и не опубликовали, и в «Чикаго дефендер», где одно напечатали. «Мы спрашиваем старшее поколение: присоединитесь ли вы к нашей битве?» Застеснявшись, он никому не сказал о публикации и подписался псевдонимом: Арчер Монтгомери. Имя выглядело старомодным и интеллигентным, и, лишь когда Элвуд увидел его напечатанным на бумаге, вдруг сообразил, что так звали его дедушку.

В июне дедушкой стал и мистер Маркони – это поворотное событие высветило в ита-льянце новые грани. Лавочка вдруг сделалась вместилищем его добродушного энтузиазма. Затяжное молчание сменилось уроками иммигрантской борьбы и эксцентричными советами по ведению бизнеса. Он стал порой закрываться на час раньше, чтобы успеть навестить внучку, но Элвуду платил за полную смену. В такие дни Элвуд шел на баскетбольные площадки – посмотреть, кто там играет. Сам он в игру не вмешивался, но после участия в протестах слегка осмелел и даже завел нескольких приятелей среди таких же зрителей. Это были ребята, жившие в паре улиц от Элвуда. Он заприметил их несколько лет назад, но заговаривать с ними не решался. А иногда он ходил гулять в центр с Питером Кумбсом, соседским парнишкой, который нравился Гарриет тем, что умел играть на скрипке и разделял с ее внуком любовь к книгам. Если у Питера не было репетиций, они бродили по магазинам, где продавались пластинки, и украдкой рассматривали обложки альбомов, которые им покупать запрещалось.

– А что такое *Дайнасаунд*? – спросил как-то раз Питер.

Новый музыкальный стиль? Особенный проигрыватель? Они понятия не имели.

В знойные деньки девчонки из Университета сельского хозяйства и машиностроения иногда забежали в лавку за газировкой – Элвуд помнил их по демонстрации. Он спрашивал о протестных новостях, и они, вспыхнув от радости, делали вид, что узнали его. Не раз они принимали его за студента колледжа. Для него это было комплиментом, который только расцветивал новыми красками его мечты об отъезде из дома. Оптимизм придал Элвуду мягкости – он стал точно дешевая ириска с прилавка у кассы. И когда в июле мистер Хилл переступил порог лавочки и рассказал ему о своем предложении, он был готов тут же кинуться в бой.

Элвуд его не сразу узнал. Без цветастой бабочки на шее, в оранжевой клетчатой рубашке, из-под которой выглядывала майка, в модных солнечных очках мистер Хилл производил впечатление человека, который не вспоминал о работе несколько месяцев – не то что недель. Бывшего ученика он поприветствовал с ленивой беспечностью счастливица, чей отпуск продлится аж до конца лета. Он рассказал Элвуду, что впервые за долгое время никуда не уехал на каникулы.

– Мне и тут есть чем заняться, – признался он, кивнув в сторону тротуара. Там, прикрывая узенькой ладонью глаза от яркого солнца, стояла девушка в широкополой соломенной шляпе.

Элвуд спросил, не нужно ли чего мистеру Хиллу.

– Хочу кое-что тебе предложить, Элвуд, – ответил учитель. – Мой приятель поделился со мной одной идеей, и я тут же подумал о тебе.

Приятель мистера Хилла, активист, работал в Технологическом колледже Мелвин-Григгс – расположенном к югу от Таллахасси учебном заведении для цветных. Там он последние три года преподавал английский язык и американскую литературу. До недавних пор начальство мало заботилось о судьбе колледжа, но новый президент основательно взялся за дело. В Мелвин-Григгс есть курсы для одаренных старшеклассников, но среди местных мало кто о них знает. Президент поделился проблемой с приятелем мистера Хилла, и тот предложил: может, в Линкольне есть талантливые ребята, которым это было бы интересно?

Элвуд стиснул метлу, которую держал в руках.

– Все это здорово, но, боюсь, у нас нет денег на такие курсы, – ответил он. А потом покачал головой: в самом деле, он ведь копил на учебу в колледже, так почему нельзя начать ее прямо сейчас, пока он еще учится в Линкольне?

– В этом-то все и дело, Элвуд: они бесплатные. Во всяком случае, этой осенью, чтобы привлечь побольше людей из местных.

– Мне надо обсудить это с бабушкой.

– Разумеется, Элвуд, – сказал мистер Хилл. – Если надо, я сам с ней поговорю. – Он опустил руку Элвуду на плечо. – Самое главное, что эти курсы уж точно пойдут на пользу такому юноше, как ты. Именно для таких учеников они и создавались!

Чуть позже, после полудня, гоняя по лавочке здоровую жужжащую муху, Элвуд решил, что в Таллахасси, пожалуй, не так уж много белых, которые учатся в колледже.

Отстающий должен либо плестись в хвосте до окончания века, либо поднажать и обогнать того, кто бежит впереди.

Гарриет отнеслась к предложению мистера Хилла благосклонно – слово «бесплатные» подействовало на нее, точно волшебное заклинание. А потом лето для Элвуда потянулось со скоростью черепахи. Так как приятель мистера Хилла преподавал английский, Элвуд планировал записаться на литературные курсы, и, даже узнав, что выбрать можно любое направление, не изменил своего решения. Обзорный курс британской литературы не нес в себе практической пользы, как заметила бабушка, но именно тем и притягивал Элвуда, – тем сильнее, чем больше он о нем думал. Слишком уж долго он пекся об одной лишь «практической пользе».

Как знать, может, в колледже выдадут новенькие учебники. Не исчерканные. В них нечего будет вымарывать. Такое ведь возможно.

Накануне первого учебного дня в колледже мистер Маркони подозвал Элвуда к кассе. Из-за занятий на курсах Элвуду предстояло пропускать четверговые смены, и он было подумал, что босс хочет удостовериться, все ли он оставляет в лавочке в порядке на время своей отлучки. Итальянец прочистил горло и подтолкнул к нему коробочку, обитую бархатом.

– На вот, учись, – сказал он.

Внутри лежала перьевая ручка темно-синего цвета с латунной отделкой. Красивый подарок, даже если мистер Маркони приобрел его по скидке, пользуясь тем, что хозяин канцелярского магазинчика был его давним клиентом. Они обменялись по-мужски крепкими рукопожатиями.

Гарриет пожелала ему удачи. Перед школой она каждое утро оценивала его внешний вид, следя за тем, чтобы он выглядел опрятным, но обычно не вносила никаких корректив – разве что снимала с ткани приставшую ворсинку. Так было и на этот раз.

– Какой же ты красавец, Эл! – сказала она и, поцеловав внука в щеку и вскинув плечи – она всегда так делала, когда пыталась не расплакаться на глазах у Элвуда, – пошла к автобусной остановке.

Элвуду до того не терпелось увидеть Мелвин-Григгс, что он отправился туда сразу после школьных уроков, хотя времени до начала занятий оставалось еще много. В тот вечер, когда ребята поставили ему синяк, два звена на велосипедной цепи погнулись, и с тех пор она постоянно слетала во время долгих поездок. Так что ему предстояло либо поймать попутку, либо пройти семь миль пешком. Войти в ворота, погулять по кампусу, затеряться среди корпусов, а может, просто посидеть на лавочке во дворе, окунуться в здешнюю атмосферу.

Он остановился на углу Олд-Бэйбридж и стал ждать какого-нибудь темнокожего водителя, направляющегося в сторону шоссе. Мимо пронеслось два пикапа, а потом рядом притормозил сверкающий зеленый «плимут-фьюри» шестьдесят первого года, приземистый и с «плавниками», как у гигантского сома. Водитель наклонился в сторону Элвуда и открыл пассажирскую дверцу.

– Я на юг, – сообщил он.

Зеленовато-белое сиденье, обтянутое винилом, скрипнуло, когда Элвуд на него опустился.

– Родни, – представился водитель. Невысокий и коренастый, в сером костюме в тонкую сиреневую полоску, он сидел в кресле развалившись и напоминал темнокожую версию Эдварда Робинсона. Когда он пожал Элвуду руку, кольца на его пальцах вонзились ему в кожу, и Элвуд поморщился.

– Элвуд, – представился он в ответ и, пристроив портфель между ног, посмотрел на серебристую, точно аэрокосмическую, панель «плимута», из которой торчало множество кнопок.

Они устремились на юг, в сторону трассы 636. Родни барабанил по кнопкам, тщетно пытаясь настроить радио.

– Никак я с ним не разберусь. Давай ты.

Элвуд тоже потыкал в кнопки и нашел станцию, где крутили музыку в стиле ритм-энд-блюз. Он уже собирался переключиться, когда осознал, что Гарриет тут нет и никто не станет ворчать на двусмысленность песен, пускаясь в туманные разъяснения и оставляя Эвуда в замешательстве и смятении. Он остался на той же радиоволне. Звучала какая-то композиция в духе ду-вопа. От волос Родни исходил аромат тоника, которым пользовался мистер Маркони. От него воздух в салоне стал тягучим и едким. Даже в выходной Элвуду не удалось сбежать от этого запаха.

Родни возвращался от матушки, которая жила в Валдосте. Он сказал, что никогда раньше не слышал о Мелвин-Григгс, что слегка уязвило гордость Элвуда, которую он испытывал в этот знаменательный для него день.

– Ах, колледж, – проговорил Родни и присвистнул. – Сам-то я в четырнадцать лет уже начал работать на фабрике стульев, – добавил он.

– Я тоже работаю: в табачной лавке, – сказал Элвуд.

– Вот оно что, – произнес Родни.

Радиоведущий зачитал объявление о воскресной ярмарке. А потом пустили рекламу Фан-тауна, и Элвуд стал вполголоса подпевать.

– Это еще что такое? – спросил Родни. Он шумно выдохнул и ругнулся. Почесал рукой свой крупный нос.

В зеркале заднего вида замигали красные огоньки патрульной машины.

Они ехали по сельской местности, и других автомобилей на дороге не было. Родни что-то пробормотал себе под нос и свернул на обочину. Элвуд положил портфель себе на колени, и Родни велел ему сохранять спокойствие.

Сзади в нескольких ярдах от них припарковался автомобиль белого полицейского. Он вышел из машины, положил левую руку на кобуру и направился в их сторону. Затем он снял солнечные очки и убрал их в нагрудный карман.

– Мы с тобой незнакомы, – произнес Родни.

– Незнакомы, – подтвердил Элвуд.

– Я ему так и скажу.

Полицейский тем временем уже держал в руке пистолет.

– Первое, о чем я подумал, когда мне передали ориентировку на «плимут», – сказал он, – такую машину сопрут только ниггер.

Часть вторая

Глава четвертая

Последние три ночи перед отправкой по приговору судьи в Никель Элвуд провел дома. А во вторник в семь часов утра за ним прислали машину. Судебный пристав оказался добродушным парнем с густой нечесаной бородой и нетвердой хмельной походкой. Он давно вырос из своей рубашки, пуговицы которой трещали от натяжения ткани, что делало его похожим на плотно набитую подушку. Но пристав был белым, да еще при оружии, и потому, несмотря на неряшливый вид, вызывал трепет. Многие из окрестных жителей высыпали на крыльцо с сигаретой в зубах и наблюдали за ним, вцепившись в перила с такой силой, точно боялись рухнуть в морскую пучину. Соседи выглядывали в окна, и сцена, которая открывалась их взгляду, пробуждала в памяти события прошлых лет, когда у них на глазах точно так же забирали мальчика или мужчину, – только не того, что жил чуть поодаль по улице, а своего, родного. Брата. Сына.

Когда пристав что-нибудь говорил – а он оказался немногословен, – во рту у него перекачивалась зубочистка. Он приковал Элвуда наручниками к металлической перекладине позади переднего сиденья и за все двести семьдесят пять миль не проронил ни слова.

Они добрались до тюрьмы города Тампы, и уже через пять минут пристав вступил в перебранку с тюремным охранником. Произошла накладка: в академию Никель поручили доставить троих юных нарушителей, но цветного мальчишку требовалось забрать последним, а вовсе не первым. Таллахасси ведь всего в часе езды от школы. Не кажется ли вам, поинтересовался охранник, что скакать с парнишкой по всему штату не больно-то сподручно? Он вам что, игрушка йо-йо? В ту минуту лицо у пристава уже пылало.

– Я действовал по инструкции, – ответил он.

– Там фамилии по алфавиту расставлены, – заметил охранник.

Элвуд потер отметины от наручников на запястьях. Он готов был поклясться, что в тюремном приемнике стоит скамья из церкви – во всяком случае, точно такой же формы.

Через полчаса они снова пустились в путь. Франклин Т. и Билл У. далеко отстояли бы от Элвуда, расположи их фамилии в алфавитном порядке, но еще дальше – на шкале темпераментов. С первого же хмурого взгляда он распознал в своих белых попутчиках заносчивый нрав. Такого веснушчатого лица, как у Франклина Т., Элвуд отродясь не видывал. Франклин, очень смуглый парнишка с ежиком рыжих волос, держался понуро, смотрел себе под ноги, но, стоило ему поднять глаза, в них отчетливо читалась ярость. Черно-фиолетовый ореол от синяков вокруг глаз Билла У. внушал настоящий ужас. Губы его распухли и покрылись язвами. Коричневое родимое пятно грушевидной формы на правой щеке добавляло еще один оттенок его пятнистому лицу. Завидев Элвуда, Билл фыркнул, и всякий раз, когда в пути их ноги случайно соприкасались, он дергался, точно обжегшись о раскаленную печь.

Как бы сильно ни различалось их прошлое и преступления, за которые их отправили в Никель, мальчиков сковали единой цепью и пункт назначения у них был один. Чуть погодя Франклин и Билл начали обмениваться короткими репликами. Оказалось, что для Франклина это уже вторая поездка в Никель. В первый раз его упекли туда за непослушание, а теперь – за прогулы. Однажды его высекли за то, что он пиялился на жену одного из воспитателей, но в остальном, по его словам, местечко вроде как приличное. Уж куда лучше, чем жить под одной крышей с отчимом. Билла воспитывала сестра, а потом он связался со «стадом паршивых овец», как выразился судья. Они разбили витрину в аптеке, но Билл еще легко отделался. В Никель его отправили, потому что ему всего четырнадцать, а остальных сослали напрямик в Пидмонтскую тюрьму.

Пристав сообщил белым мальчишкам, что они сидят рядом с автоугонщиком, и Билл расхохотался.

– Ой, ну тачки-то я уводил постоянно, – похвастался он. – Вот за что надо было меня хватать, а не за дурацкую витрину.

Неподалеку от Гейнсвилла они съехали с магистрали. Пристав остановился на обочине, дал мальчишкам справить нужду и вручил каждому по сэндвичу с горчицей. Когда они снова уселись в машину, он не стал надевать на них наручники. Сказал, что знает, что они и так не сбегут. Таллахасси они обошли стороной, съехав на проселочную дорогу, точно никакого города тут и не существовало. «Я даже деревьев не узнаю», – подумал Элвуд, когда они въехали в округ Джексон. От этого ему стало горько.

Он взглянул на школу, и в голове пронеслась мысль, что Франклин, наверное, прав, – в Никеле вовсе не так уж и плохо. Воображение рисовало Элвуду высокие каменные стены с колючей проволокой, но тут не было никакой ограды. Ухоженный кампус – изумрудно-зеленая лужайка, усеянная постройками из красного кирпича в два-три этажа. Под буковыми деревьями и кедрами – старинными, высокими – тенистые островки. Эта картина радовала глаз – и подобных ей Элвуд в жизни не видывал; казалось, перед ним настоящая школа, хорошая школа, а вовсе не жуткий исправительный дом, мысли о котором наводили на него ужас вот уже несколько недель. Иронично, но как раз таким он воображал себе колледж Мелвин-Григгс, разве что без нескольких статуй и колонн.

Они проехали по длинной подъездной дороге к главному административному корпусу, и Элвуд заметил футбольное поле и ватагу мальчишек, которые шумно толкались, отбирая друг у дружки мяч. Он ожидал увидеть детей в кандалах и цепях – точно из мультиков, – но эти беспечно сновали по траве и явно радовались жизни.

– Ну и дела! – с нескрываемым удовольствием сказал Билл. Увиденное успокоило не только Элвуда.

– Вы тут особо не выпендривайтесь, – сказал пристав. – Если воспитатели с вами не сладят и вы не утопнете в здешнем болоте...

– ...то по нашу душу пришлют собак из исправительного дома, что в Аппалачах, – закончил за него Франклин.

– Не нарывайтесь – не схлопочете, – подытожил пристав.

Они зашли в здание, пристав подозвал секретаря, и тот отвел их в выкрашенную в желтый цвет комнату, вдоль стен которой располагались деревянные шкафы с ящиками. Стулья стояли рядами – совсем как в школьном классе, и мальчишки расселись подальше друг от друга. Элвуд по привычке выбрал местечко в первом ряду. Когда дверь с шумом распахнулась и на пороге возник старший надзиратель Спенсер, все как один вытянулись по струнке.

Мэйнард Спенсеру было далеко за пятьдесят, и его коротко стриженные черные волосы серебрила седина. В каждом жесте этого белокожего «солдафонишки» – как наверняка окрестила бы его Гарриет – чувствовалась продуманность, точно он заранее отрепетировал их перед зеркалом. Его заостренное лицо напоминало мордочку енота – Элвуд сразу обратил внимание на маленький нос, темные круги под глазами и густые щетинистые брови, которые только подчеркивали сходство. Спенсер со всей педантичностью следил за состоянием своей темно-синей никелевской формы; каждая складочка на его одежде была отутюжена до того тщательно, что казалось, от одного прикосновения к ней можно порезаться; впрочем, и сам он напоминал ходячее лезвие.

Спенсер кивнул Франклину, и тот вцепился пальцами в край парты. Надзиратель спрятал улыбку, будто с самого начала знал, что мальчишка вернется. Он прислонился спиной к доске и скрестил руки на груди.

– Поздновато вас привезли, – заметил он, – так что буду краток. Сюда попадают те, кто не умеет существовать в приличном обществе. Ничего страшного. У нас тут школа, а мы –

учителя. Мы вас научим жить, как все. Знаю, Франклин, ты все это уже слышал, но к сведению так и не принял. Может, теперь исправиться. Пока что все вы – *черви*. У нас тут есть четыре ранга поведения: новенькие – это *черви*, затем они дослуживаются до *испытателей*, потом – до *пионеров* и, наконец, до *асов*. Веди себя как полагается, зарабатывай очки – и поднимешься по этой лесенке. Ваша задача – дослужиться до асов, и тогда вас выпустят отсюда и вы вернетесь в свои семьи. – Он выдержал паузу. – Если вас там, конечно, примут; впрочем, это уже не наше дело. – Затем он пояснил, что асы слушаются надзирателей и воспитателей, добросовестно выполняют свою работу, никогда не прогуливают, прилежно учатся. Не дерутся, не бранятся, не богохульствуют и не хулиганят. Всеми силами пытаются исправиться, от рассвета и до заката. – Только от вас зависит, сколько времени вы проведете в этих стенах, – сказал Спенсер. – Миндальничать тут с вами никто не станет. Для бунтарей у нас есть особое местечко, и оно вам не понравится. Я лично об этом позабочусь.

Он коснулся рукой внушительной связки ключей, висевшей у него на поясе, и уголки губ на его суровом лице дернулись – то ли от самодовольства, то ли в знак зловещего предостережения. Старший надзиратель устремил взгляд на Франклина, мальчишку, который вернулся еще раз хлебнуть никелевской жизни. – Расскажи им, Франклин.

Голос Франклина дрогнул, и он не сразу совладал с собой, но все же проговорил:

– Да, сэр. Здесь правила лучше не нарушать.

Старший надзиратель обвел взглядом каждого из мальчишек, делая в уме какие-то заметки, и поднялся.

– Мистер Лумис поможет вам с размещением, – объявил он и вышел. Ключи, висевшие на его поясе, позвякивали, точно шпоры на сапогах у шерифа в каком-нибудь вестерне.

Через несколько минут пришел хмурый белокожий юноша – Лумис – и повел их в подвальное помещение, где хранилась школьная форма. Джинсы, серые рабочие рубашки и разных размеров коричневые башмаки громоздились на стеллажах, тянувшихся вдоль стен. Лумис велел белым мальчикам подобрать одежду себе по размеру, а Элвуда отвел в уголок «для цветных», где лежали куда более потрепанные вещи. Ребята переоделись. Свою рубашку и комбинезон Элвуд сложил в холщовый мешок, прихваченный из дома. Еще у него в сумке лежало два свитера и костюм для походов в церковь, в котором он играл в спектакле ко Дню освобождения. А вот Франклин и Билл ничего с собой не взяли.

Пока ребята одевались, Элвуд старался не таращиться на отметины, оставленные на коже мальчиков. У обоих тела покрывали длинные бугристые шрамы – судя по всему, от ожогов. После того дня ни Билла, ни Франклина Элвуд больше не видел. В школе училось свыше шести сотен воспитанников; и жизнь белых протекала у подножия холма, а черных – на его вершине.

Вернувшись в комнату ожидания, они оставались там, пока за ними не явились воспитатели. За Элвудом пришли прежде других: это был пышнотелый темнокожий старик с седыми волосами и серыми радостными глазами. Если Спенсер казался суровым и устрашающим на вид, Блейкли, напротив, выглядел мягким и обходительным. Он встретил новичка теплым рукопожатием и сообщил, что именно он отвечает за Кливленд – общежитие, куда определили Элвуда.

Когда они шли в корпус для цветных, напряжение, сковавшее поначалу Элвуда, стало потихоньку спадать. Его страшила власть таких, как Спенсер, и мысли о том, что ждет его впереди: каково это, жить под надзором тех, кто сыплет угрозами и наслаждается произведенным эффектом; впрочем, возможно, за черными приглядывают черные. И даже если они ничуть не добрее белых, Элвуд не позволит себе совершить то, за что тут принято наказывать. Он успокоил себя мыслью, что достаточно попросту делать то, чего он и так придерживался всю жизнь, – не нарушать правил.

По пути они почти никого не встретили. В окнах жилых корпусов мелькали тени. Наверное, сейчас как раз время ужина, подумал Элвуд. Горстка темнокожих мальчишек, порав-

нявшись с ними на бетонной тропинке, почтительно поприветствовала Блейкли, а на Элвуда не обратила никакого внимания.

Блейкли рассказал, что работает в этой школе уже одиннадцать лет, «с самых лютых времен и по сей день». Он пояснил, что в стенах школы действует своя философия, по которой удел мальчиков зависит от них самих и все отдано им на откуп.

– Это вы тут за все в ответе, – сказал Блейкли. – И за обжиг каждого кирпичика, и за бетонные дорожки, и за газон. Неплохо получилось, как видишь. – Дальше он пояснил, что труд сбивает с воспитанников спесь, а еще дает возможность приобрести навыки, которые можно использовать после выпуска. Рассказал, что в местной типографии печатают всевозможные документы, какие только требуются флоридскому правительству, от положений о налогах и строительных норм до парковочных талонов. – Научись всему этому, отвечай за свои поступки – и эти знания пригодятся тебе до конца твоих дней!

Каждый должен ходить на уроки, сообщил Блейкли, и это обязательно. Пускай в других учреждениях не всегда уделяется внимание балансу между исправлением и образованием, но администрация Никеля тщательно следит за тем, чтобы воспитанники не отставали в учебе. Занятия в классе ежедневно перемежаются с трудовыми обязанностями. В воскресенье – выходной.

Выражение лица Элвуда переменялось, и воспитатель это заметил.

– А ты что же, другого ожидал?

– Я в этом году собирался пойти в колледж, – признался Элвуд. На дворе стоял октябрь, самый разгар осеннего семестра.

– Обсуди это дело с мистером Гудэллом, – посоветовал Блейкли. – Он преподает у старших ребят. Уверен, что-нибудь да придумаете. – Он улыбнулся. – Ты в поле работал когда-нибудь? – уточнил воспитатель.

В собственности Никеля был участок в тысячу четыреста акров, и на нем чего только не выращивали: лаймы, батат, арбузы.

– Я-то сам вырос на ферме, – добавил Блейкли. – Но мальчишки эти... Многие из них отродясь ни о чем не пеклись.

– Да, сэр, – отозвался Элвуд. Под рубашкой ему что-то мешалось – наверное, бирка – и неприятно царапало шею.

Блейкли остановился.

– Если знаешь, когда сказать «да, сэр!» – а лучше это говорить всегда, – точно не пропадешь, сынок. – Он сообщил, что знаком с Элвудовой «ситуацией», смягчив неприятный эвфемизм своей добродушной интонацией. – Многие тут переступили границу дозволенного. Вот им и представилась возможность переосмыслить свое жите, взяться за ум.

Внешне Кливленд ничем не отличался от других жилых корпусов Никеля: кирпичный, под зеленоватой медной кровлей. Вокруг – живая изгородь, подстриженные в форме квадратов кусты, торчащие прямо из красной земли. Блейкли провел Элвуда через главный вход, и тут же стало понятно, что внешний вид здания с внутренним никак не соотносится. Щербатые полы то и дело скрипели, по облезлым желтым стенам змеились трещины. Из кресел и диванов, стоявших в комнате отдыха, выглядывала набивка. Столы были усеяны инициалами и прозвищами, вырезанными сотнями шаловливых рук. Элвуду бросилось в глаза то, на что непременно обратила бы его внимание Гарриет, – расплывчатые отпечатки грязных пальцев на дверной ручке и на задвижке, клочья волос и мусор по углам.

Блейкли разъяснил ему планировку жилых корпусов. На первом этаже всегда располагается маленькая кухонька и кабинеты руководства, а также два актовых зала. На втором были спальни – две для воспитанников-старшеклассников и одна для ребят помладше.

– Младших тут называют цыпами – только не спрашивай почему. Этого никто не знает, – сообщил он.

Наверху размещались подсобные помещения и комната Блейкли. Мальчишки уже скоро пойдут спать, пояснил воспитатель. До столовой надо пройти, да и ужин уже закончился, но, если Элвуд проголодался, можно заглянуть на кухню, пока та не закрылась на ночь. Но Элвуд и думать не мог о еде – слишком был взволнован.

Свободное место нашлось в комнате номер два, где на синем линолеуме тремя рядами по десять в каждом выстроились койки. В изножье каждой кровати стояло по баулу с вещами воспитанников. Пока Элвуда вели к корпусу, мальчишки не обращали на него внимания, но теперь, когда он шел вслед за Блейкли меж рядами, впились в него взглядами; одни тихонько перешептывались, остальные решили пока что придержать свое мнение при себе. Одному из воспитанников на вид было лет тридцать, хотя Элвуд точно знал, что такое невозможно – ведь как только никелевцу исполняется восемнадцать, его отпускают. Некоторые встретили его сурово, как белые мальчишки, с которыми он ехал сюда из Тампы, но Элвуд с облегчением отметил, что многие из них выглядят точь-в-точь как ребята из его квартала, разве что погрустнее. Если сходство это не только внешнее, он уж как-нибудь продержится.

Несмотря на все те ужасы, о которых он слышал, Никель и впрямь был школой, а вовсе не мрачной тюрьмой для несовершеннолетних. Адвокат Элвуда даже сказал, что он еще легко отделался. Угон машины – нешуточное обвинение по никелевским меркам. Позже он узнает, что большинство попало сюда по куда более безобидным поводам – порой туманным и необъяснимым. Некоторые вообще находились на попечении у штата, будучи сиротами, и им просто не нашли другого места.

Блейкли открыл сундук, показал Элвуду мыло и полотенце, лежащие внутри, и познакомил с соседями по кроватям – Десмондом и Пэтом. Они тут же получили задание «разъяснить новичку, что тут да как».

– Я за этим прослежу, вы не думайте, – пригрозил воспитатель. Парни едва слышно поздоровались с Элвудом, а как только Блейкли ушел, тут же вернулись к своим бейсбольным карточкам.

Элвуд никогда не был плаксой, но после ареста он не раз утирал слезы. Они наворачивались на глаза по ночам, когда он представлял, что ждет его в Никеле. Когда он слышал, как в соседней комнате, не в силах сдержать рыдания, мечется его бабушка, то открывая, то закрывая дверцы и ящики, чтобы только чем-нибудь занять руки. Когда он безуспешно пытался понять, почему его жизнь устремилась под этот злосчастный откос. Он знал: слез показывать нельзя, и потому перевернулся на живот, накрыл голову подушкой и прислушался к голосам: к шуткам и колкостям, к историям о доме и закадычных друзьях, которые теперь так далеко, к незрелым домыслам о том, как устроен этот мир и к наивным планам его перехитрить.

Еще утром он жил своей прежней жизнью, а теперь оказался здесь. От наволочки пахло укусом, стрекот сверчков и кузнечиков то усиливался, то слабел, точно шум волн, снова и снова.

Он задремал, когда откуда-то снаружи грянул совсем иной звук. Рассекающий воздух свист, уже безо всяких вариаций; жуткий, механический, не дающий никаких подсказок о своей природе. *Шквалистый*. Элвуд и сам не помнил, в какой книге вычитал это слово, но именно оно сейчас пришло на ум.

Кто-то в дальнем углу комнаты сказал:

– Кажется, кто-то пошел за мороженым!

И горстка мальчишек загоготала.

Глава пятая

С Тернером Элвуд познакомился на второй день пребывания в Никеле – тогда же, когда уяснил зловещую природу того шума.

– Большинство ниггеров попадают вниз лишь спустя несколько недель, – скажет ему потом парнишка по имени Тернер. – Так что лучше не нарывайся зря, Эл, ни к чему это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.